

Игорь Трохин

12+

Недаром помнит
вся Россия

Игорь Трохин

Недаром помнит вся Россия!

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Трохин И.

Недаром помнит вся Россия! / И. Трохин — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Ремейки военной истории России, Фантастика, Детективы и Юмористическая
проза.

Содержание

Недаром помнит вся Россия! Военно-исторические рассказы	5
За одного битого двух небитых дают!	5
Несчастья бояться, так и счастью не бывать!	8
Чудо-богатыри! Военно-исторический рассказ	11
Гордись, дурак, что ты русский!	13
Кзаки	15
Недаром помнит вся Россия!	18
Пехота – царица полей!	21
Разведка – глаза войны	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Недаром помнит вся Россия! Военно-исторические рассказы

За одного битого двух небитых дают!

Погожим сентябрьским деньком 1700 года вышла в поход русская армия к берегам далёкой Балтики, шла на Северную войну с песнями... Сам царь Пётр ехал во главе войска на битву со шведским королём Карлом. Всю Прибалтику Карл себе захапал, настала пора отобрать исконно русские вотчины у шведского короля. Двинулись из Москвы в сухую тёплую пору, а к Нарве вышли к концу ноября, когда первые снежинки закружились в ледяном ветре неласковой Балтики. По дороге умудрились утопить половину обозов на Ильмень-озере. Разбушевалось озеро не на шутку, ветер нагнал большую волну, и залило всё вокруг. Встали ночью на привал на берегу, а поутру оказались все в воде. Порох намочили, припасы утопили, еле выбрались на сушу.

* * *

На крутом правом берегу стоит могучая крепость Нарва, а внутри Нарвский замок – крепость в крепости. А на левом берегу, через реку Нарову – другая крепость, Иван-город. Была поставлена ещё нашими предками при Иване Грозном. В обеих крепостях сидят сильные шведские гарнизоны, поди-ка выкури их оттуда!

– Ох, намаемся эти крепости воевать! – говорит царю Алексашка Меньшиков, верный дружок с юных лет Петра.

– Ничего, сковырнём! Не видать нам моря без взятия Нарвы! – отвечает ему Пётр. – Морской державой России – быть!

Сомневается Алексашка, плохая надежда на стрелецкие полки: бунтуют! Да и дворянское ополчение не подарок, к воинской дисциплине не приучены совсем. Дикая конская орда, а не войско! Одна надежда на полки Семёновский и Преображенский, верных царёвых воспитанников, обученных иноземному бою. Краса и гордость русской армии.

Молчит Меньшиков, что он скажет против царя? Так до плахи недалече!

* * *

Грамотных офицеров у Петра среди русских не было, пришлось поручить вести осаду иностранцу – генерал-инженеру барону Галларту. Только не рвался барон в бой, ходил целыми днями за царём и ныл: пушек нужных калибров – нету, кони все тощие, солдаты не обучены, а офицеры – сплошь дураки. Достал он царя своим нытьём! Не раз предлагал Пётр осмотреть шведские укрепления, но барон всё отказывался.

Плюнул царь, взял бумаги и карандаши, сам пошёл изучать форты крепости. Шведы увидели царя и стали стрелять, а он похаживает и чертит как ни в чём не бывало. Устыдился Галларт, стал нехотя догонять царя. Шведская пушка ударила со стен крепости, и ядро упало недалеко от барона. С перепугу рухнул он прямо в лужу, лежит и ждёт, когда бомба рванёт, а про себя молится. Долго Галларт в луже валялся, а когда глаза открыл, то увидел под носом царские сапоги. Стоит царь, смеётся...

– Негоже царям под пулями ходить! – говорит ему барон.

– Негоже пулям кланяться! – восклицает царь. – Плохие у меня помощники! Самому всё делать приходится! – возмущённо говорит Пётр.

Смутился генерал, застеснялся. Царь посмотрел ему в глаза и грозно молвил:

– Кто трусит – ступай в обоз! Не позорь звание российского солдата!

* * *

Засели наши воины в окопах напротив крепости, а среди них молодой солдат Матюха. Вцепился в свою фузею и ждёт, когда шведы в атаку пойдут. Не обучен он совсем стрелять, трясётся от страха...

– Боишься, небось? – спрашивает старый солдат.

– Боязно мне, дядечка! – отвечает ему Матюха.

– Не бойсь! Страх – хуже смерти! – говорит усатый гренадёр.

Выпал туман, а к рассвету снег повалил, ни черта не видно в двух шагах! Старый солдат ухо к земле прикладывал, слушал, не идут ли шведы.

Шведы ударили неожиданно, словно из-под земли появились!

Выстрелил Матюха из фузеи, а дальше – закрутилось...

Бьются наши сил не жалея, а тут слух пролетел, что иностранные офицеры – предали! Остались солдаты без офицеров – дрогнули, побежали. А куда бежать, мост-то один! Смешалось всё на мосту, в реку стал народ падать...

Вспомнил Матюха слова старого солдата, остановился и стал кричать:

– Стой, братцы! Страх хуже смерти!

Тут и мост развалился, понесла река Нарова русских солдат в пучину...

– Вишь, что деется! – кричит ему ветеран. – Не робей, малой! Бери свою фузею, заряжай, да пошли к нашим! Багинет к ружью примкни, попотчuem вражин русским штыком! Слышишь, пальба справа? Наши бьются: преображенцы да семёновцы! Не бойсь, не пропадём!

Кто страх поборол, тот и есть настоящий солдат!

* * *

Король Карл поспешил на выручку осаждённых крепостей. Сам возглавил шведский корпус и вывел на помощь к окружённым шведам. Вовремя подоспел, наши гвардейцы, семёновцы и преображенцы, теснили шведов!

– За мной, шведы! С вами бог и ваш король! – закричал Карл.

Слева с холма ударила наша пушка. Ядра косили шведские ряды...

– Пушки сюда! Где наша батарея?! – приказал король.

С третьего залпа накрыли шведы пушку. Вздрыбилась земля, и поднялась снежная пыль. Разбросало русских пушкарей в разные стороны!

Посмотрел король и увидел: стоит у пушки русский канонир, без правой руки... Кровь хлещет, весь правый бок залит, а он кричит русские ругательства и фитиль горящий к стволу подносит, а жерло уже грозно глядит в лицо шведского короля. Грянул выстрел, и Карл свалился с лошади...

Когда король вылез из-под убитого коня, бой уже закончился. Поднялся на холм к нашему герою, а тот умирает и шепчет:

– Русский шведа и одной левой побьёт! – Так и шептал в забытьё...

Вызвал король барона Галларта, который одним из первых в плен сдался, и стал спрашивать, что за герой такой?

– Не знаю, ваше величество! Могу заверить, что таких бойцов у русских немало! Дикие варвары!

Поглядел король на умирающего героя, подумал и со злостью воскликнул:
– Пусть сам чёрт воюет с русскими солдатами!

* * *

Ночь сгустилась над полем сражения. Последние деньки ноября: дни короткие, а ночи длинные, не видно ни зги, хоть глаз выколи! К последнему бою готовились наши солдаты...

Предали наших бойцов генералы! Вступили в стовор с врагом, договорились о почётной сдаче в плен и отступлении.

Глубокой ночью шведские сапёры навели мосты и наши войска потекли на правый берег реки Наровы. Отступали...

Последними ушли гвардейские полки, Семёновский с Преображенским! С распущенными знамёнами, под барабанный бой покинули вражеский берег, вынося на плечах раненых. Прикрывали наш отход до последнего.

Глухо и злобно ворчали шведские гренадёры, плевались вслед. Обломали свои зубы об наши гвардейские полки. Поди тронь! Накось, выкуси!

Мчался к Новгороду, трясясь в возке, царь Пётр с верным Алексахкой Меньшиковым. Полетел набирать новую армию. Начало войны – это не конец, а только начало. Спасибо за науку!

Лишь через четыре долгих года наши войска возьмут Нарву и Иван-город. В августе 1704 года русские знамёна взметнутся над Нарвой! А сейчас конфузия, ретирада! Первый блин комом! Ничего, виктория впереди!

– Мин херц! Что же будет? – спрашивает верный Алексахка.

Царь Пётр злобно оскалился и ответил:

– От битья железо крепнет, а человек мужает! Эхма, только учись и работай! Не скули, Алексахка! Бог не выдаст, свинья не съест! Дай срок, повоюем Карлу! Ей-ей, повоюем!

За одного битого – двух небитых дают!

Несчастья бояться, так и счастьем не бывать!

Вновь наступила злая северная осень. Задули холодные ветры, всколыхнулись и побежали ледяные волны, разыгралось штормом Ладожское озеро. Русские войска подошли к Нотебургу...

Древние стены грозной русской крепости ещё помнят своё старое название – Орешек. Так, почитай, уже девяносто лет, как после семимесячной осады захватили крепость шведы. Бились наши предки семь месяцев не на жизнь, а на смерть! Не сдали, сдали крепость огромной шведской рати. Вот так и стал наш Орешек шведским Нотебургом! На древних русских землях шведы хозяйничают как у себя дома. Пришла пора рассчитаться!

* * *

Больше полусотни ладей пришло с русскими войсками по Ладожскому озеру. Кругом леса дремучие да топи непроходимые, ни троп, ни дорог! Крепость стоит на острове посередине реки, всё вокруг под прицелом шведских пушек. По уму, так штурмовать надо со стороны реки Невы: тут и волны нет, да и берег гораздо ближе. Только как лодки провести мимо крепости, вот ведь задачка?! Шведские канониры не дремлют, перетопят как щенков!

Вечером собрался воинский совет, судили-рядили, так ни черта и не присудили! Опасаются господа генералы, помнят нарвскую конфузю с ретирадой, пары лет не прошло. Осерчал царь Пётр, встал и сказал:

– Несчастья бояться, так и счастьем не бывать!

Вышел Пётр из шатра и пошёл к солдатским кострам. Сидят воины, кулеш хлебают и спорят промеж собой.

– Обдурить надо шведа, просеку в лесу прорубить, да и стащить лодки волоком в обход крепости! – говорит шуплый маленький солдатик.

– Поди-ка обдури! Враз пушками накроет! – спорит другой гренадёр.

Солдатская придумка царю понравилась, запомнил шуплого воина и решил сделать по его совету. Спозаранку стали рубить просеку и тащить тяжёлые ладьи волоком. День, другой, третий – умаялись, надорвались!

Увидел царь шуплого солдатика и стал ругаться:

– Видал, каково ладьи тащить? Не кур по деревне шупать!

Обиделся солдатик и молвил:

– Без труда не вынешь и рыбку из пруда! Какое же дело без труда получается?

Удивился царь солдатской прямоте, похлопал по плечу и молвил:

– Правда твоя, солдат! Не забуду, после битвы награжу!

Не дожил служивый до царёвой награды, придавила его ладья! Расстроился Пётр и велел похоронить находчивого солдата с офицерскими почестями.

* * *

Поутру, спозаранку началась в крепости тревога. Шведы смотрели на Неву, а там уже качались русские лодки с солдатами. Поздно шведы спохватились, прошляпили наш десант!

С первого октября началась бомбардировка крепости и, почитай, десять дней продолжалась. Русские пушки громыхали день и ночь, а бомбардиры валились с ног от усталости. Нотебург полыхал пожарами, но шведы не сдавались. Нашла коса на камень!

– Каков орех попался, не раскусишь! – восклицал царь Пётр.

На одиннадцатый день бомбардировки рухнула стена и к пролому на лодках поплыли русские солдаты. Начался штурм...

Первыми в атаку пошли наши гвардейцы – Преображенский полк во главе с полковником князем Голицыным. Схлестнулись со шведами грудь в грудь, а наших-то маловато! Лодок не хватает! Помощь запаздывает! Заминка вышла в проломе, теснят шведы русских назад к реке.

– Государь! Пусти на подмогу! Не устоят наши! – просит Меньшиков.

– С Богом, ступай! – командует Пётр.

Мало русских осталось на острове, не успевает подмога. Двенадцать полных лодок повёл на приступ Меньшиков, успеют ли?

Успели! Алексашка вскочил в пролом без кафтана, в красной шёлковой рубахе – щёголь. Царь Пётр смотрит в подзорную трубу безотрывно, только усы дёргаются. Нервничает государь, третий час штурма пошёл...

Наконец, на самом верху, словно победное знамя, замелькала красная рубаха бомбардир-поручика Александра Меньшикова. Рядом появились зелёные кафтаны русских солдат. Над крепостью развеялся белый флаг...

– Орех-то разгрызли! Виктория! – закричал счастливый Пётр.

Шведы штурмовали Орешек семь месяцев, а наши взяли крепость назад за одиннадцать дней! С первого приступа двенадцатого октября 1702 года крепость Орешек вернулась под флаг государства Российского.

Царь Пётр повелел дать новое имя крепости – Шлиссельбург, ключ-город, а сейчас она носит имя царя Петра и называется – Петрокрепость.

* * *

В устье Невы, в Финском заливе, на самом берегу реки стояла мощная шведская крепость Ниеншанц. Потерять шведам крепость – открыть русским путь к морю. Засуетились шведы, занервничали...

В последних числах апреля наши войска подтянули к крепости артиллерию и в ночь на тридцатое апреля 1703 года начали бомбардировку. Палили без малого десять часов подряд! Ночи-то светлые, всё видно как днём! Поутру первого мая шведы не выдержали и барабаны проббили сигнал к сдаче! Слабоваты оказались нервишки у коменданта и шведских офицеров, когда увидели грозный вал русской пехоты, идущей на штурм.

Где она, хваленая шведская храбрость? Была, да вся вышла!

В шведской столице ничего о сдаче не знали и послали на подмогу эскадру из девяти кораблей во главе с вице-адмиралом Нумере. Встала эскадра в заливе у Васильевского острова на якоря, а два фрегата, «Гедан» и «Астрильд», по именам шведских принцесс, пошли на разведку к крепости. Хотели засветло подойти, но не успели, ночь наступила. Поставили на ночь часовых и спать завалились...

Крепко спят шведские матросы, да и часовые задремали. Начало мая, признак белых ночей, жаль, что густой туман на воде...

Лоханулись шведы, ох как лоханулись! Проспали всё на свете!

* * *

Меньшиков сидит в шатре у огня и говорит царю Петру:

– Сдаётся мне, ваше величество, господин Питер, что шведы, проведав о наших двух холостяках, «Меркурии» и «Святом духе», подослали им невест...

Развеселился царь Пётр, когда услышал шутку о двух фрегатах, шведских и наших, и воскликнул громко:

– Что ж, сыграем свадебку! Ей-ей, сыграем!

Сели русские солдаты в лодки и поплыли к вражеским фрегатам. Туман висит над водой, ничего не видно и не слышно. Облепили лодки шведские фрегаты, как пчёлы мёд, и пошли на abordаж. Впереди князь Меншиков, первым на палубу ворвался. В правой руке шпага, а в левой пистолет дымится. Колет направо и налево, а сам приговаривает:

– Не ходил бы ты, швед, в чужие земли! Какой ты, швед, глупый!

Не бывало такого, чтобы простые солдаты взяли в плен морские корабли! Да вот сбылось! Было это шестого мая 1703 года.

Царь Пётр повелел в честь победы отлить медали и наградить всех участников славного боя. На медали надпись: «Небывалое бывает!»

Ровно через три недели после грандиозного события, 27 мая 1703 года, на Заячьем острове, на реке Неве будущий российский император заложил Петропавловскую крепость. Этот день и считается теперь днём рождения славного города Санкт-Петербурга!

Чудо-богатыри! Военно-исторический рассказ

Коротка память у наших исконных соседей, а особенно – у турок! Уж мы их бивали-бивали, а всё к нам лезут и лезут. И на этот раз...

На берегу полноводной реки Рымник собралась огромная стотысячная турецкая армия. Командующий, великий визирь Юсуф-паша, сидел в шатре на шёлковых подушках и безмятежно попивал утренний кофе. Хорошее настроение было у визиря. Разведчики доложили приятную новость: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой, да и стоит больше чем в ста километрах от Рымника и к бою не готова.

Размечтался визирь, как побьёт он солдат фельдмаршала Суворова и какой дождь наград прольётся на него от турецкого падишаха за великую победу над неверными...

Да вот беда, не знал он, что ни одно войско в мире не может так быстро нападать на врага, как суворовские солдаты. Не зря сам Суворов называл их – чудо-богатыри! Свалятся на врага как снег на голову, ударят в штыки, и пошла боевая потеха.

Сладок предутренний сон у паши, жаль только, что прервали дикими криками охраны:
– Русские идут! Русские в лагере!

Визирь из своего богатого шатра выскакивает, а в турецком лагере паника: офицеры бегают, солдаты визжат, ишаки ревут... Настоящее столпотворение!

– Откуда здесь русские? Какие русские?! – разорался визирь.

А наши чудо-богатыри уже и слева, и справа, и с тыла заходят. Могучим ударом теснят ошалевших от испуга турок. Кажется, со всех сторон слышатся крики: «Ура, ура, ура!».

Схватил визирь священный Коран, поднял над головой и стал заклинать трусов. Только слова об Аллахе не помогли!

– Стойте, дети шакала! Внуки осла, стойте!

Куда там! Разбегаются турки, как стадо баранов.

– Аман! – вопят. – Пощади!

Бросил визирь Коран, забыл про свои пушки, подхватил полы парчового халата, заткнул их за пояс, да и дал дёру вслед за своими янычарами.

Не зря Суворов говорил, что победу в бою решают глазомер, быстрота и натиск! Чудо-богатыри били врагов по-суворовски!

* * *

Тяжело нам досталась победа под Рымником. Не шутка, по четыре турка на каждого нашего воина. Мы победили!

Увлёкся горячкой боя гренадёр Иван Петров. Бьёт врагов прикладом, колет штыком, не даёт неприятелю спуску. Бегут турки в панике и орут:

– Аман! Аман! Пощади!

Отбежали недалеко и увидели, что гонит их всего один наш солдат. Расхрабрились вражины, десятеро на одного, и окружили нашего гренадёра.

– Сдавайся, русский! Алла Акбар! – кричат.

Не на того напали! Выстрелил Иван в одного, пырнул штыком второго, третьего, и завертелось...

Налетели турки гурьбой, повалили, связали. Отделали его так, что места живого не было, и поволокли с собой через реку Рымник.

Обмыла речная вода гренадёра, открыл глаза, вроде живой пока. Вытащили Ивана на берег и загалдели по-своему. Догадался наш солдат, что тащить его не хотят, а по своему варварскому обычаю решают отрезать ему голову и приволоочь начальству как трофей.

Вскочил Иван, откуда только сила взялась! Вырвал ружьё у турка и выстрелил в живот. Опешили враги, разбежались в разные стороны, а наш гренадёр за ними. Одного догнал – ударил штыком, второго догнал. Турки в воду, он туда же и колет всех штыком. Славный вышел бой!

К вечеру на берег вышли наши солдаты. Смотрят, десяток турок валяется, а рядом наш гренадёр. Так это же Ваня Петров! Зашевелился герой, застонал...

– Живой наш Ванятка! – обрадовались солдаты и бросились к нему.

Прознал о великом подвиге гренадёра фельдмаршал Суворов. Десять турок наш солдат победил. Слава герою!

Бьют врага не числом, а умением! Так завещал Суворов.

Гордись, дурак, что ты русский!

Немало отличных офицеров воспитал генералиссимус Суворов, но изредка бывали и нерадивые... Служил в русской армии поручик Козлов, так себе офицеришка, ни богу свечка, ни чёрту кочерга, как говорят в народе. Звёзд с неба не хватал, боевой выучкой не славился, да и умишком не блистал.

Зато любил во всём подражать французам. Болтал по-французски, книги читал на французском, манеры были французские, короче, вылитый француз! И всё-то ему у них нравится, всё его восторгает: как пьют, что едят, какие шмотки носят, какие они богатенькие...

По его словам выходило, что всё у нас нехорошо: щи лаптем хлебаем, сами неучи, живём хуже некуда, всё не слава богу!

Чего уж греха таить, и сейчас таких моральных уродов хватает! Хлеб русский едят, а всё наше хаот! Карманы понабивали за счёт русского народа, а всё на Европу глядят, свой народ за быдло держат!

Сам Козлов в Париже ни разу не был, только с его фантазий выходило, что совсем он не русский, а чуть ли не француз.

Вся наша армия над его бреднями подсмеивалась, всем уши прожужжал о Франции и Париже.

Встретил как-то Суворов нашего Козлова на привале, спрашивает с ехидцей:

– Господин поручик! Как житуха у вас в Париже? Как отец с матерью поживают? Что пишут из прекрасной Франции?

Растерялся от такого вопроса поручик.

– Так матушка с батюшкой у меня всю жизнь в Ярославле живут! Ошибочка вышла, господин генералиссимус!

– Уж прости старика! Я-то по своему невежеству подумал, что ты у нас из французских дворян будешь!

Видать, не понял намёка Суворова поручик. Всё французам нахваливает, а русских ругает. Через несколько дней снова встретил поручика Суворов и опять спрашивает:

– Что нового в Париже? Как здоровье французских родителей?

– Ваше сиятельство! Ярославские мы! Испокон веков там живём!

– Бог мой! Запомню! Не сердчай на старика!

Никак не может понять Козлов, в чём дело. Начал жаловаться офицерам на Суворова: старый стал фельдмаршал, памяти совсем нет, да и речи странные ведёт! Смеются они над недотёпой!

* * *

Дело было как раз во время войны с французами. Наши чудо-богатыри совершили героический переход через Швейцарские Альпы и вышли в Меттенскую долину. Здесь уже поджидали французы во главе с прославленным генералом Андрэ Массеной. Сам Наполеон Бонапарт послал его перехватить и разгромить русское войско, которое было чуть ли не вдвое меньше французского. Стоял конец сентября 1799 года.

И грянул бой! Три дня бились наши с французами! Дрогнули лягушатники, попятились... Сам Массена чуть в плен не попал нашему гренадэру – унтер-офицеру Махотину. Гренадёр был настоящий русский богатырь, под два метра ростом. Схватил он Массену за расширенный золотом ворот генеральского мундира и сдёрнул с боевого коня. Наскочил на Махотина французский офицер на выручку генералу – пока рубились на саблях, генерала и след простыл. Обидно, лишь золотой воротник у Махотина от генерала остался! Вот ведь незадача!

Победили мы французов! Одних пленных захватили больше тысячи человек, десяток орудий и цельного французского генерала, жаль, что их главный, Массена, удрал!

Как принято по законам войны, стали французишки у наших просить обменяться пленными офицерами. Да вот незадача! Пленных французов навалом, а наших – считанные единицы! Русские не сдаются! Все израненные в плен попали!

Штабные офицеры стали списки пленных составлять и дали на подпись Суворову. Посмотрел внимательно списки Александр Васильевич, да и говорит:

– Здесь одного не хватает! Точно говорю, не хватает!

– Все здесь, ваше сиятельство!

– Нет, не все! Тут один наш французишка не указан!

От души рассмеялись наши герои. Поняли прекрасно шутку фельдмаршала. Весь штаб веселился, да и до нашего Козлова новость быстро дошла.

Бросился со всех ног поручик к Суворову. С порога начал кричать:

– Ваше сиятельство, это ошибка! Русский я, исконно русский! Крест на том целую! И фамилия моя Козлов!

– Нет никакой ошибки! Не русский ты! – отвечает фельдмаршал.

– Русский я! И родители мои русские, и в Ярославле я рождён!

– Мало что родители твои русские! Да ты-то не русский! Душа у тебя не русская! Французская у тебя душонка!

Дошло наконец до поручика, в чём дело. Упал на колени, заплакал и стал у старого фельдмаршала прощения просить...

Пожалел фельдмаршал молодого дурачка и сказал:

– Ладно, не отдадим тебя французишкам, оставайся. Ступай в свой полк и хорошенько подумай, русский ты или французишка, не приведи господи!

Гордись, дурак, что ты россиянин!!!

Казачи

Погожим июньским утром 1812 года, когда горячее марево стояло над Неманом, по мостам и понтонам через полноводную реку в Россию хлынула шестисоттысячная армия Наполеона Бонапарта...

Французы, саксонцы, австрийцы, пруссаки, итальянцы, испанцы – всю Европу поставил на уши и подрядил под свои знамёна французский император, всех повёл за богатством и славой в таинственную и дремучую Россию...

Лихим галопом несутся гусары маршала Мюрата, на рысях проходят уланы генерала Понятовского с польскими значками на своих пиках, тяжёлым грозным шагом гордо вышагивает Старая гвардия во главе с маршалом Лефевром, громяют колёса артиллерии маршала Даву, стройными колоннами движется пехота маршала Ланна. На холме расположился штаб во главе с маршалом Бертье и ещё с добрый десяток прославленных маршалов окружает императора французов. Все маршалы молодые, весёлые, крепкие, все не моложе сорока лет, под стать своему великому покорителю народов – императору Наполеону. Они грезят богатством и славой, мечтая об этом походе на восток...

– Императору вива!

– Франции слава! – рёв тысячи глоток несётся со всех сторон.

Сверкают эполеты офицеров, гордо реют знамёна, грозно блестят доспехи тяжёлой кавалерии императорских кирасир. Неудержимый вал солдат заливаёт берега Немана. Казалось, что не будет преграды вражьему нашествию нигде и никогда!

Наполеон глядит на переправу, сидя на чистокровном арабском скакуне. Задумчив и хмур император французов, а любимая треуголка низко надвинута на глаза. Вчера на военном совете его любимец, генерал Коленкур, во всеуслышание заявил:

– Поход на Россию – это дорога в ад!

Единственный из всех маршалов и генералов он не побоялся высказать своё мнение против похода в эту великую страну. Как оказалось, он был прав!

Надрываются армейские трубы, как очумевшие бьют барабаны, звенят литавры, непрерывный гул и топот солдатских ног. Идут по мосту солдаты: день, второй, третий... На гибель свою идут!

* * *

Тридцать казачьих полков сражалось против наполеоновского нашествия!

Донцы-молодцы – краса и гордость казачьего войска! Лихие рубаки в синих бешметах, а штаны с огневыми лампасами. Чёрная папаха с белоснежным султаном, пика, ружьё, конь боевой, а характер бедовый. Чего уж там, как чертей боялись французы наших казаков.

Среди французских мусью были лихие вояки, особенно когда нахлещутся своей бургундской кислятины по самые уши. Тут уж все герои!

Встали биваком на ночёвку гусары маршала Мюрата, а офицеры – наособицу в палатках. Набубенились винища до умопомрачения! Один лейтенант и начал хвастать, что поймает живого казака и приведёт к офицерским палаткам. Знают кавалерийские офицеры, что граф де ла Тур не робкого десятка, но чтобы поймать и взять в плен казака... Все разгорячились, разорались, стали пари заключать.

Гриня встал спозаранку, на самой зорьке. Коня хотел в ручье напоить да по лужку размять. Застоялся Воронок без дела, заскучал боевой товарищ. Третий день стоят лагерем в лесу казаки, ждут боевой приказ.

Напоил Гриня конька, дал шенкеля, да и поскакал не спеша по большому лугу. Набил на ходу любимую люльку и затянул песенку...

Смотрят французы: по большому лугу казак едет один, не торопится, трубкой дымит да песенку распевает. Вскочил де ла Тур на своего жеребца и рванул наперерез. Скачет, саблей размахивает, руку разминает перед сшибкой.

Углядел казак француза, развернул коня навстречу, трубку за пояс, свою песенку в карман, да пику к бою. Подскакал лейтенант, привстал в стремях, рубанул саблей по пике, тут и разлетелась она на части. Лишь древко у казака в руках осталось. Жаль, добрая была пика! Удачно француз наскочил – обезоружил казака. Понял Гриня, что дело непростое, отпрянул поспешно в сторону. Ружьё за плечом, сразу и не дотянешься, а француз напирает, саблей размахивает. Схватил казак нагайку, что висела у пояса, и снова они сшиблись...

– Сдавайся, казак! – кричит мусью.

– Сей момент, ваше благородие, – процедил казак сквозь зубы, вскинул нагайку, приподнялся в седле да и хватанул от души по руке француза с саблей.

Закричал француз от боли, выпустил свою саблю из руки, и упал клинок на землю. Гриня тут не растерялся, привстал в стремях и давай француза охаживать нагайкой где ни попадя. Отхлестал от всей широты казачьей души, жаль, что задница была седлом укрыта. Визжит француз как поросёнок, весь свой боевой задор растерял.

Увидели французы, что дело швах, кинулись чуть не целым эскадроном выручать своего горе-воюку. Не растерялся наш казак, схватил французишку за ворот, перекинул через седло, пришпорил коня и поскакал к родному лесу. Не успели французы, скрылся казак в лесу со своей добычей. Русский лес для казака – дом родной! Ищи-свищи! Боятся захватчики русского леса как огня! Так и пропал французишка по пьянке и собственной дурости, куда ему с русскими казаками тягаться!

* * *

Справный казак вышел из Грини! Второй год, как поверстали его из родной станицы на берегу Дона в казачью сотню, а он уже с медалью Георгия на груди красуется за взятие в плен французского офицера. Десятником стал в родной станичной сотне и заимел уважение от боевых товарищей.

Десяток у Грини – молодец к молодцу, лихие рубаки, как на подбор, сам чёрт им не брат! Молодёжь есть молодёжь, всё о подвигах мечтают...

Лейб-гвардии казачий полк его величества отступал в арьергарде наших войск генерала Барклая. Прикрывал отход колонны пехоты, отступающей под бешеным натиском французов к городу Витебску.

Казачий полк закрепился на правом берегу Двины, а на левом, высоком, расположилась французская тяжёлая кавалерия – кирасиры.

Вот тут наши казачки и созоровали!

Заметил Гриня у берега сторожевой пост французов. Руки зачесались, кровь заиграла, как бы их побить? Стал Гринин десяток голову ломать, как к врагам подкрасться незаметно на другой берег, на реке-то всё видать.

Расседлали казаки своих коней, взяли в зубы сабли, а пики спрятали под брюхо скакунов. Сами разделись догола, завели коней в воду и поплыли к вражьему берегу. Плывут, одни чубы из воды казачьи торчат, за лошадиные шеи прячутся.

Глянули французы: плывёт табун рассёдланных коней по реке – видать, от своих отбился. Тут уж они такой «халяве» обрадовались, побежали живой подарочек встречать.

Подплыли наши казаки к чужому берегу, вскочили на боевых коней, схватили пики с саблями да и перебили весь французский пост. Расхрабрились казаки, решили напасть на французский лагерь.

Гикнули, свистнули, пики выставили и рванули лавой на французов. Обалдели императорские кирасиры: что творится – голые всадники на них скачут казачьей лавой. С перепугу десяток казаков за сотню показался, если не поболе...

Пронеслись казаки по лагерю боевым ураганом, пиками покололи, саблями порубали вражин, развернули коней, свистнули: айда назад!

Скачут весёлые, все смеются:

– Я память сабелькой двоим оставил.

– Мы с Петрухой троих пиками достали.

– Гриня отличился, офицера на саблю взял!

Только рановато казаки возрадовались. По тревоге поднялся весь кирасирский полк и рванул вдогонку. Окружили казаков с трёх сторон и загнали к крутому обрыву Двины.

Подскакали наши герои к обрыву, придержали коней.

– Всё, братья! Край!

Кирасиры всё ближе и ближе, сверкают их тяжёлые палаши...

– Погибать, так со славою! – крикнул Гриня.

Обнял за шею своего боевого друга – Воронка.

– Спасай, выручай, родимый!

Взвился конь на дыбы, заржал – и в воду с обрыва скакнул! Следом и остальные казаки прыгнули со своими конями.

Не зря император Наполеон говорил: «Удача сопутствует смелым!» Хоть и враг он наш был, но далеко не дурак.

Дружна с нашими удальцами удача, никто не разбился. Переплыли казаки Двину, повернулись к врагам голыми задами, похлопали и прокричали:

– Привет императору!

Рассердились французы, стали палить из всех орудий, а наших и след простыл! Поскакали к своим гвардейцы и по пути весело смеялись...

В этот же день узнал о лихой проделке казаков генерал Барклай де Толли.

Адъютант рассказал и стал возмущаться:

– Позор! Голыми в атаку!

– Да-да, стыдобища, – согласился Барклай. – Садись и пиши приказ. Казакам за бесстыдство всыпать десяток плетей, а за геройство вручить всем медали!

Вот такие были наши прадеды – донцы-молодцы!

Недаром помнит вся Россия!

Отступает русская армия... Месяц, второй, уж и третий пошёл! Ворчат ветераны, да и молодёжь ропщет:

– Таким макаром всю Рассею французишкам без боя отдадим!

Недалече до Москвы осталось, когда фельдмаршал Кутузов решил дать генеральное сражение. Хватит, набегались!

У небольшой деревеньки Горки, что в паре километров от Бородина, встала боевая ставка Кутузова. Неподалёку на возвышенностях расположились артиллеристы. В центре – батарея Раевского, которой суждено стать главным местом Бородинской битвы. Левее выкопали окопы бойцы армии князя Багратиона – Багратионовы флеши. Встали они углом к противнику, не обойдёшь, не обскачешь! Хорошо потрудились бойцы грузинского князя, укрепили брустверы деревьями и камнями, вышли маленькие неприступные крепости. Поди-ка сунься! Правый фланг взял на себя Барклай де Толли со своей армией. По оврагам и перелескам схоронились в засаде наши казаки да кавалеристы – скрытый резерв! Всё замерло и затихло, армия погрузилась в короткий тревожный сон перед решающей битвой...

К ночи похолодало, солдаты жались к походным кострам. Сама природа напомнила о скорой зиме. Ночь провели в волнениях... Чуть забрезжила заря на востоке, трава засеребрилась от инея под первым солнечным лучом...

Настало 7 сентября 1812 года. Грянул гром Бородинской битвы!

* * *

Ударил Наполеон на левый фланг, туда, где Багратионовы флеши. Взревел и разбушевался огонь от больше чем сотни французских пушек, задрожала земля. Лучшие маршалы Франции повели в атаку три кавалерийских корпуса и десяток пехотных полков. Боевой вражеский вал накатился и захлестнул Багратионовы флеши! Набежали целой толпой: и пешие, и конные!

Ней, Даву и Мюрат скачут впереди наступающих колонн за победой и славой, самые прославленные маршалы, гордость французской армии!

Смеются русские:

– На одного нашего генерала – три французских маршала! Не многовато ли?! Нашему князю Багратиону хоть пятерых подавай!

Атака идёт за атакой, упорны французы, но и наши не лыком шиты! Не сдаются Багратионовы флеши! Бьются русские не на жизнь, а на смерть!

Солнце подошло к зениту, а победы французам не видать как собственных ушей. Наполеон в бешенстве. Посылает ещё сотню пушек, две, три! Как утёс над морем стоят наши флеши, а об него разбивается вся французская армия.

– Отступил Багратион? – вопрошает Бонапарт своих генералов.

– Никак нет, ваше величество!

– Бросить все силы на левый фланг! – визжит в злобе и бессильном бешенстве узурпатор.

* * *

Прекрасен был в боевом порыве грузинский князь Багратион, когда приподнялся на стременах и зычным голосом прокричал:

– В атаку! Братцы, вперёд!

На пригорок под копыта боевого коня влетело ядро. Взрыв! Хлынула кровь потоком из правой ноги генерала, и повалился он на землю, выпустив боевую шпагу из ослабевших рук...

– Убили нашего соколика! – понеслось по войскам... – Генерала убили!

Подхватил кирасир Андрианов генеральскую шпагу и побежал навстречу французам, а за ним наши пошли в рукопашную. Одного заколол, второго, третьего! Сверкает на солнце Багратионова шпага, как боевое знамя для наших солдат! Отбросили супостата!

На кургане, между правым и левым крылом русских войск, стояла батарея Раевского. С огромными потерями потеснили французы наш левый фланг и ударили в самый центр, по курганной батарее. Схватились не на жизнь, а на смерть!

К полудню батарея дважды переходила из рук в руки! Упорства не занимать что нашим, что французам. Бьются герои не щадя живота!

Под генералом Барклаем убита уже пятая лошадь! Смеётся генерал:

– Будем живы, не помрём! Вперёд, ребяташки!

Чёрное облако взрывов и гари затмило солнце. Неистово трещат барабаны! Третий час полудни пошёл, как наши держат оборону, и не видать успеха французской стороне!

У села Шевардино, прямо напротив центра русских позиций, стоит боевая ставка Наполеона. Внизу, за холмом расположилась французская гвардия – последний резерв императора.

– Дайте мне гвардию, я принесу победу! – просит маршал Ней.

Качает головой император, не даёт Старую гвардию.

Маршал Даву просит гвардию, любимец Наполеона, маршал Мюрат просит гвардию...

Ясно уже Наполеону, что не поможет здесь Старая гвардия, а гибель гвардии – верная смерть всему походу.

Солнце к закату пошло, а не видать французам победы...

В атаку поскакали кирасирские и уланские полки во главе с маршалом кавалерии Мюратом. Решили взять с наскока, а затем опрокинуть нашу пехоту и ворваться на её плечах в тыл...

Да не тут-то было! Грянул залп русской пехоты, побежали наши герои в атаку. Страшен штыковой удар чудо-богатырей! На войне ещё такого не бывало, чтобы пехота напала на конницу. Да вот сбылось!

Растерялись кавалеристы, опешили, стали коней заворачивать. Не сдюжили французишки, назад поскакали! Опозорилась хваленая кавалерия маршала Мюрата! Лихой был кавалерист, а тут сплеховал!

Стемнело, завершился кровавый день, а каждая из сторон осталась на старом месте...

* * *

В деревеньке Фили, что под Москвой, собрался военный совет русской армии. Что делать? Дальше биться или отступить?

Фельдмаршал Кутузов прекрасно знает, что на подмогу к Наполеону спешат свежие войска из-под Смоленска и Витебска. Трудное, но верное решение принял Кутузов. Встал, перекрестился и сказал:

– С потерей Москвы ещё не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибла Москва и Россия!

Наши войска оставили Москву...

14 сентября 1812 года Наполеон встал на Поклонной горе. Перед его взором открылась красавица Москва. Вот он, конец войне!

Напрасно прождал он целый день ключи от города. Не дождался!

Опустела Москва, все жители ушли вместе с войском. Грозная тишина нависла над городом...

Просидел Наполеон в Кремле больше месяца, наших послов ожидая. Всё мечтал, что русские мир заключат, да куда там! Стала Москва гореть по ночам от поджогов и грабежей. Опасно здесь находиться, даже Кремль загорелся! Понял Бонапарт, что настоящая война только начинается!

20 октября 1812 года незадачливый узурпатор покинул столицу и стал отступать по старой Смоленской дороге...

На борьбу с оккупантами встал весь русский народ, и стала война – Отечественной! Не перечить героических подвигов русских партизан, не пересказать подвигов нашего воинства! Вечная Слава Героям!

В декабре оказались жалкие остатки французских захватчиков там, где свой поход и начинали, на реке Неман. Сколько их сгинуло в зимнюю стужу и сколько потонуло при отступлении через реку Березину – не пересчитать! Два года гнали мы оккупантов по Европе. Старая армия Наполеона прекратила своё существование!

31 марта 1814 года русские войска торжественным маршем вступили в Париж! Император Наполеон отрёкся от престола!

Память об этом событии живёт по сей день не только в наших сердцах, но и у парижан. Напоминанием служат французам их же кафе...

Наши казаки забегали во французский трактир и кричали:

– Хозяин! Есть давай! Быстро-быстро!

Понравилось русское словечко французам, так и стали они называть свои кафе – бистро!

Такой вышел исторический казус из победоносного похода русских войск во Францию. Теперь и вы знаете, что французское «бистро» – это по-русски «Быстро!».

Пехота – царица полей!

Пошла уже вторая ночь, как капитан Свиридов ползал с сапёрами по переднему краю, стараясь при свете бледной луны разглядеть подступы к деревеньке Пеньки, где на пригорке разместился опорный пункт немцев...

Он вернулся в блиндаж на рассвете, весь в грязи, мокрый и злой, вздрагивая от усталости и напряжения. При неровном свете чадающей керосиновой лампы, сварганенной из орудийного снаряда, он вновь и вновь вглядывался в карту-трёхвёрстку. Шесть сантиметров на карте, три километра по пересечённой местности. Впереди лесок, за ним лощина, потом два холмика и заброшенное поле, покрытое талым снегом. Завтра вести батальон в бой, а сегодня ему ещё не раз придётся поломать голову, как провести атаку с наименьшими потерями. Батальон-то только на бумаге, а на деле и половины списочного состава не наберётся! Обещали в штабе дивизии пополнение, да вот беда, когда оно будет? Шёл конец марта 1943 года.

Западнее города Гжатска гремели напряжённые затяжные бои.

Будем двигать по лощине, без вариантов – так решил молодой комбат.

Батальон тем временем отдыхал...

Вымотавшиеся бойцы забылись тревожным сном по траншеям и у погасших костров, прикрывшись плащ-палатками. Некогда сооружать тёплые землянки и блиндажи – идёт наступление. Который день, то пробираясь по лесам, то проползая по заснеженным полям, то шагая по колено в талой мартовской воде, с кровопролитными боями наступал, двигался на запад батальон капитана Свиридова. Кони выбились из сил, автомобили и орудия застревали в грязи, тогда им помогали бойцы. На войне, да ещё во время наступления, не положено воинам уставать! И простые солдаты оказались сильнее, выносливее как коней, так и танков, и автомашин!

Ещё днём капитан Свиридов послал трёх сапёров разминировать проход к лощине через лес, по которому должен пойти в атаку батальон. Они ушли с деловитой неторопливостью знающих своё дело людей. Бойцы вернулись уже к позднему вечеру, но Санька Скворец лежал ничком на спине у сержанта Трофимова, свесив руки, а ноги у него уже не было. Мишка-баянист тащил на себе оружие всех троих.

– Как вас угораздило? – тихо спросил капитан.

– Не уберётся Санька, на мину наткнулся, – ответил сержант Трофимов почему-то виноватым тоном. – Теперь есть проход, батальон может выступить, товарищ капитан!

Свиридов задумчиво прошёлся по траншее, непослушной рукой пытаясь поправить свою португею... Он искренне переживал потерю родного бойца. В который раз он терял боевых товарищей!

Усталые бойцы спали чутким солдатским сном, забыв о нестихающем артобстреле, о промокших на ледяном ветру шинелях, и даже о тех проклятых трёх километрах, которые надо преодолеть, чтобы выбить врага из простой русской деревеньки Пеньки. Мела позёмка, и видимость упала до нуля. Не зря в народе говорят: «Пришёл марток – одевай семеро порток!»

Не мог о трёх километрах забыть лишь капитан Свиридов. Он сидел на патронном ящике, сняв сапоги и спрятав окоченевшие ноги под шинель. Двадцатитрёхлетний капитан прошёл со своим батальоном уже восьмой десяток километров по многострадальной смоленской земле. Несмолкающий грохот и гул ожесточённых сражений сотрясал Смоленщину. Фашисты упорно сопротивлялись, и каждый километр нашей земли оплачивался кровью наступающей армии. Вот и сейчас немцы засели в Пеньках и организовали опорный пункт обороны.

Утром в штабе седовласый полковник, герой Халхин-Гола, проникновенно сказал Свиридову:

– Деревню надо взять... Сынок! Прошу, сделай своим батальоном... Надо, сынок! Знаю, что трудно, но надо позарез! Опорный пункт! Зарылись в землю по уши, сволочи! Выручай, сынок!

– Задание будет выполнено, товарищ полковник! – ответил молодой капитан и, чётко развернувшись, вышел из штаба.

Он искренне осознавал всю меру той ответственности, что легла на его юные командирские плечи... Давненько Игорь не вспоминал, как сопливым лейтенантиком горько рыдал, обхватив ствол поваленной сосны и размахивая никчёмным пистолетом, видел, как его взвод, который он выводил из окружения в июле сорок первого, бессмысленно гибнет под бомбами самолётов с чёрными крестами.

Теперь, сидя в блиндаже и держа на коленях котелок с кашей, он сказал своему начштаба, старлею Пете Новосёлкину:

– Вернусь с войны, меня спросят: где ты, Игорь, воевал – под Смоленском или под Харьковом... А я скажу: под Пеньками!

– Да, деревню надо взять... Выход у нас один – брать! – невпопад ответил Петя. Затянул папиросу и громко хлопнул трофейным портсигаром.

К вечеру на опушку леса стали подтягиваться танки и артиллерия. Начдив, тот самый полковник, прислал подмогу атакующему батальону. Всю ночь не прекращался напряжённый, неутомимый труд войны...

На рассвете мартовского дня батальон Свиридова начал наступать на деревню Пеньки, с боем и кровью отвоёвывая те самые три километра, что отделяли его от деревни. На привольной родной земле бойцы ползут по узкому следу, проложенному вчера сапёрами. Но иного выхода нет – в муках и крови рождается наша победа!

Батальон скапливается в ложине для последнего броска. Остервенело бьют пулемёты, хлопают фашистские миномёты, трещат автоматные очереди с обеих сторон. Наша артиллерия бьёт по вражеским огневым точкам и подавляет их огонь – одну за другой. Танки выскочили из лесочка и понеслись по заснеженному полю, набирая скорость и стреляя на ходу. Закружилась, завертелась огненная смертоносная метель, не разбирая где свой, где чужой! Вспыхнула и рассыпалась в небе зелёная ракета, за ней ещё две...

– Нам пора! – сказал капитан, скидывая с плеч плащ-палатку. – Пошли, ребята! За Родину! – звонко закричал Свиридов и, передёрнув затвор автомата, выскочил впереди стрелковой цепи.

Батальон как один человек поднялся в едином порыве, гордо идя навстречу своей неизбежной смерти. Боевой шквал батальона был неудержим никем и ничем! Немцы дрогнули, смешались и побежали, бросая оружие и не разбирая дороги... Они бежали на запад!

Смелого пуля боится, храброго штык не берёт!

День клонился к закату, когда капитан Свиридов написал короткое и сухое донесение в штаб: «Заняли деревню Пеньки. Продвинулись на три километра на запад. Батальон выполнил боевую задачу!»

Из сообщения Совинформбюро от 9 марта 1943 г.: «Западнее Гжатска наши войска продолжали наступление и заняли несколько десятков населённых пунктов».

Разведка – глаза войны

Ночная темень сгустилась над огнедышащей полосой фронта... Уставшие и обессиленные за день бойцы стараются вздремнуть на пропахшей порохом земле чутким тревожным сном. Тогда и начинается интенсивная и загадочная жизнь у фронтовой разведки.

Разведгруппа вышла к постам боевого охранения и проверила свою амуницию. Всё должно быть пригнано точно и аккуратно, не дай бог, звякнет или брякнет в ночном рейде, тут не миновать беды. Автоматы заряжены, запасные диски полны, а рядом с малой сапёрной лопаткой висят ножницы для резки колючей проволоки.

Они неслышно проползли линию вражеских окопов и призрачными тенями скрылись в подлеске, спеша в сторону города, ждущего своего часа, когда на улицах зазвучат шаги его освободителей. Шел июль второго года войны...

Тяжелей даётся разведка на южном фронте, чем гораздо северней. Нет здесь ни лесов, ни болот, ни кустарников. Спрятаться негде, голая степь кругом, где тебя видно издалека, как на ладони. Ни спрятаться, ни укрыться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.